

Лу Цзэянь порой вспоминал, как они с Юй Минем познакомились: один хотел умереть, другой был одной ногой в могиле — назвать это красивым началом было никак нельзя.

Но, видя, как Юй Минь поднимает на него глаза и смотрит с таким жалобным видом, он всё равно не выдерживал и забирал его к себе домой.

Юй Минь любил глупых кошек, любил, когда его подкармливают, но сам есть не любил.

Юй Минь любил готовить, но ненавидел мыть посуду.

Юй Минь любил внешний мир, но всегда терялся, стоило ему выйти из дома одному.

Поэтому Лу Цзэянь покупал ему вдоволь кошачьего корма, доедал за ним то, что тот оставлял, и купил часы с геолокацией.

После того как Юй Миню исполнилось восемнадцать, Лу Цзэянь больше не мог с чистой совестью заниматься с ним некоторыми вещами, например:

Брать его за руку в холодную погоду, без тени смущения доедать за Юй Минем еду и запрещать ему любые проявления излишней близости...

—

Юй Минь в жизни бы не подумал, что влюбится в мужчину, да так крепко, что не сможет выпутаться. Любовь рождалась из повседневных мелочей, например:

Он не мог перенести, если Лу Цзэянь возвращался домой поздно.

Он не выносил, когда рядом с Лу Цзэянем кто-то крутился — неважно, мужчина или женщина.

Ему нравился запах, исходивший от Лу Цзэяня.

Юй Минь даже с мрачной ухмылкой думал о том, сильно ли разозлится Лу Цзэянь, если узнает, чем он занимался, когда оставался дома один.

В конце концов, тот, кого он сам решил привести в свой дом, влюбился в него с безумством заправского маньяка.

...

Взаимное спасение, чувства, рожденные со временем, и воссоединение после разлуки.

В начале — мягкий, зависимый, а позже — готовый за всё бороться и всех разорвать темный волк-акузателевский партнер (актив) х независимый, колючий, нежный и скрытный пассив (реактив).

Горьковатый вкус, возвращенный с юности сюжет, отношения старшего и младшего, ХЭ, воссоединение.

Глава первая. Первая встреча

— Алло... Вызываемый абонент выключен, пожалуйста, перезвоните позже.

Холодный и бездушный женский механический голос снова прозвучал у Лу Цзэяня над ухом. Он нервным движением взъерошил упавшие на лоб пряди, еще несколько раз безуспешно попытался дозвониться, а затем с отчаянием человека, которому уже нечего терять, швырнул телефон на стеклянный журнальный столик.

Телефон ударился о поверхность с резким стуком, заставив стоявшую рядом пепельницу подпрыгнуть.

Если оглядеться, небольшая гостиная съёмной квартиры была вся затянута сизым дымом. Окурки в пепельнице грозили вывалиться через край, три или четыре штуки валялись прямо на столе, а рядом серели разлетевшиеся хлопья пепла.

Лу Цзэянь со злостью пнул ножку стола, и несколько нацелившихся упасть окурков полетели на пол.

Он поднял покрасневшие глаза, в которых отчетливо читалась неизбывная усталость.

Упершись локтями в колени, Лу Цзэянь опустил голову и раздраженно провел руками по волосам снизу вверх. Спустя мгновение он дрожащими пальцами поджег последнюю сигарету, оставшуюся в пачке, закрыл глаза и откинулся на спинку дивана.

Лу Цзэянь родился в захудалом уездном городке без роду и племени, где на весь уезд было всего три средних школы. С самого детства и до окончания школы Лу Цзэянь учился блестяще, его похвальные грамоты и сертификаты заполняли целый шкаф, и он был тем самым ребенком маминой подруги, о котором все время говорили родители.

Окончив старшую школу с лучшим результатом по всему уезду, он поступил в Сичэнский университет — первый по рейтингу в Сичэне и один из лучших во всей стране. Для их маленького уезда это было событие с вероятностью один на миллион, случаемся раз в десять лет. Школа целых три месяца вывешивала в его честь поздравительные транспаранты, его имя до сих пор красовалось на доске почета, а школьное руководство приходило прямо к нему домой праздновать и наперебой фотографировалось с ним — главным триумфатором экзаменов.

Возможно, из-за того, что он заставил родителей гордиться, Лу Цзэянь впервые в жизни получил право выбора и выбрал специальность по душе — дизайн.

Он искренне верил, что стал птицей феникс, вылетевшей из этого маленького уезда. Но попав в университет, он по-настоящему осознал смысл фразы о том, что нет предела совершенству. Никаким фениксом он не был, и жители больших городов называли это не иначе как «ранняя пташка успевает раньше».

Конечная точка, к которой он стремился изо всех сил, оказалась для кого-то лишь стартовой линией. Когда окружающие рассуждали о том, в какие страны они поедут на стажировку, Лу

Цзэянь неизменно чувствовал себя чужаком.

Тогда он думал: пусть будет так. Ничего страшного, если я хуже других.

Но судьба не проявила милосердия к его компромиссу. Рано утром во втором семестре первого курса он получил известие о том, что его родители попали в автокатастрофу.

Лу Цзэянь не помнил, что именно он тогда чувствовал: пустоту, оцепенение, уныние. А вокруг раздавались веселые голоса и смех соседей по комнате, игравших в видеоигры. Ему казалось, что он и они принадлежат к разным мирам.

Лу Цзэянь никому ничего не сказал. Он просто молча вернулся домой и уладил все дела. Полицейский, занимавшийся этим делом, сказал, что водитель не был ни уставшим, ни пьяным — просто отвлекся из-за проблем дома, потерял бдительность и случайно сбил их. И у него не было денег на компенсацию.

В итоге виновнику дали меньше десяти лет тюрьмы.

Лу Цзэянь попытался криво улыбнуться, сдавленно дернув уголком рта. Эту дорогу он ходил изучать восемнадцать лет, и с закрытыми глазами знал каждый её сантиметр.

Всю учебу в университете он тянул за счет стипендий и бесконечных подработок. Соседи по общежитию видели, что он вечно ходит сам по себе, и постепенно отдалились от него.

Продолжать учебу он не стал. Получив диплом с хорошими оценками по специальности, он устроился в известную компанию по дизайну одежды.

Когда Лу Цзэянь подрабатывал в университете, он познакомился с парнем по имени Ду Сяовэнь.

Пожалуй, это был единственный человек за все его двадцать один год, которого он мог назвать по-настоящему близким другом. Но всего пару минут назад Лу Цзэянь открыл ссылку, которую прислал ему Ду Сяовэнь.

Из-за многолетнего доверия и дружбы Лу Цзэянь ничего не заподозрил, но за считанные секунды все его накопления за последние годы были подчистую списаны со счетов. Ему нечем было платить даже за аренду в следующем месяце, а на балансе WeChat осталось всего тринадцать юаней и сорок четыре фэня.

Лу Цзэянь бесчисленное количество раз звонил ему и выкурил все запасы сигарет дома до последней штуки. И даже сейчас он никак не мог взять в толк, кем же он вообще был во всей этой истории.

Новый мажорчик, появившийся в компании, явно метил на его место, начальник всё сильнее урезал его зарплату и воровал его дизайнерские наработки, но у него даже не было права голоса.

Тринадцать юаней сорок четыре фэня.

Дайте мне хоть одну причину продолжать жить.

За время, пока тлела одна сигарета, Лу Цзэянь мысленно прокрутил всю свою жизнь, и итог можно было выразить всего двумя словами:

Обычная и жалкая.

Звук резкого удара какого-то тяжелого предмета о защитную решетку окна выдернул его из раздумий. Лу Цзэянь резко открыл глаза. Звук доносился словно с балкона этажом выше, но сейчас это волновало его меньше всего.

Затушив окурок последней сигареты, Лу Цзэянь потер переносицу.

Затем он наклонился, собрал пепел с пола и со стола в пепельницу, встал, достал из кухни тряпку и до блеска протер столешницу.

Всего пять минут — и в комнате снова было чисто.

Стоял самый разгар лета, цикады за окном орали так громко, что закладывало уши. Кондиционер в квартире работал весь день напролет, но по телу Лу Цзэяня бежали мурашки от холода.

Он постоял посреди гостиной с минуту. Снаружи донесся глухой шум крупных капель дождя, ударяющихся о землю.

Последним действием Лу Цзэяня стало нажатие кнопки пульты, чтобы выключить кондиционер. После этого он толкнул балконную дверь и шагнул на край балкона.

Он жил в довольно старом жилом комплексе, штукатурка на зданиях почти везде облетела и выцвела, и Ду Сяовэнь даже шутил как-то, что это аварийное жильё.

Эту квартиру Ду Сяовэнь помог ему снять подешевле: цена упала с одной тысячи восьмисот юаней до одной тысячи двухсот. Сумма небольшая, но эти шестьсот юаней составляли месячный бюджет Лу Цзэяня на еду.

Хозяин квартиры как-то спрашивал, не нужно ли поставить на окна защитные решетки, но

тогда Лу Цзэянь был туговат на кошелек и вежливо отказался. Теперь же это оказалось как нельзя кстати.

Лу Цзэянь стоял на краю балкона. Несмотря на то, что начался проливной дождь с грозой, в воздухе по-прежнему было душно — так душно, что перехватывало дыхание. Он мысленно прикинул, перед кем он чувствовал себя хоть капельку виноватым, и понял, что единственным таким человеком был разве что хозяин квартиры.

Мало того, что сдал жилье нищему, так теперь этот нищий еще и собирается превратиться в призрака прямо на его жилплощади.

Подумав об этом, Лу Цзэянь только вздохнул, надеясь, что арендодатель не станет слишком сильно бранить его после смерти.

Ведь он слышал, что если о человеке после смерти дурно отзываются, он не сможет переродиться.

Лу Цзэянь криво улыбнулся, подумав, что, пожалуй, так даже лучше — по крайней мере, ему больше не придется мучиться всю оставшуюся жизнь.

Закрыв глаза, он в последний раз вдохнул свежий воздух и перед тем, как сделать шаг вперед...

Сверху раздался громкий бах. Раздвижную дверь балкона грубо распахнули, и под шлепанье резиновых шлепанцев из-за головы Лу Цзэяня полился поток грубой, грязной ругани:

— Ты какого хрена посреди ночи швыряешь всякую дрянь в чужие окна?! Совсем совесть потерял?! Жить надоело — так иди сдохни! Даже умирая, норовишь людям настроение испортить!!

Лу Цзэянь занес было ногу, но замер. Сообразив через пару секунд, он понял, что кричат вовсе не ему. Вроде бы он припоминал, что этажом выше жила какая-то тетка средних лет, у которой как раз начался климакс, так что её вспыльчивость была вполне объяснима, особенно учитывая, что она одна воспитывала ребенка.

Но не успел он снова сделать движение, как гнев соседки перекинулся на него. В следующую секунду пронзительный голос тетки обрушился прямо на Лу Цзэяня:

— И ты тоже! Накурился до полусмерти?! Воняет так, что в моей квартире не продохнуть! Тоже мне, встал тут посреди ночи, помирать собрался?! Пугаешь тут всех! Хочешь сдохнуть — вали в другое место, мразь!

Лу Цзэянь: ...

С этими словами сверху снова раздалось шлепанье шлепанцев. Хлопнула балконная дверь, и в

мире Лу Цзэянь наконец воцарилась тишина.

В этом ветхом жилом комплексе народа жило немало, и многие соседи, услышав шум, повысунулись из окон. Лу Цзэянь чувствовал лишь смертельную усталость.

Однако, подняв взгляд, он вдруг замер, уставившись в одну точку. Напротив, прямо под деревом, он заметил сжавшегося в комок ребенка. Из-за расстояния Лу Цзэянь не мог разглядеть выражение его лица, но было видно, что мальчик вроде бы смотрит на него снизу вверх.

Гроза с ливнем всегда налетали внезапно, и воздух мгновенно пропитался запахом мокрой травы.

Лу Цзэянь и ребенок молча смотрели друг на друга. Спустя мгновение Лу Цзэянь тяжело вздохнул.

Разве современные дети не знают, что во время грозы нельзя прятаться под деревьями?

Разве они не знают, что нельзя просто так кидать камни в чужие окна?

Разве их не учили, что неприлично пялиться на незнакомцев?

Впрочем, ему хотелось задать еще один вопрос: неужели родителям действительно не страшно оставлять ребенка вот так запросто на улице дождливой ночью?

Лу Цзэянь долго молча смотрел на малыша, а потом сделал шаг назад.

Пять минут спустя Лу Цзэянь, держа над головой зонт, стоял прямо перед этим ребенком.

Только теперь Лу Цзэянь разглядел грязное лицо мальчика. В полумраке было плохо видно, но глаза у ребенка казались безумно яркими, и в них не было ни капли страха или паники, которых Лу Цзэянь ожидал — лишь абсолютное, звенящее спокойствие.

<http://bllate.org/book/25862/3089736>